

Акты Виленской археографической комиссии

Том 10. Акты Виленского магистрата и магдебургии

УДК 93
ББК 63.3
А43

А43 Акты Виленской археографической комиссии: Том 10. Акты Виленского магистрата и магдебургии / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 679 с.

ISBN 978-5-458-04453-0

Обилие актов и документов Виленского центрального архива (19244 актовых книг) и желание исследовать прошлое Литвы, которая и в старину принадлежала России, вызвали после 1863 года учреждение особой комиссии для разбора в городе Вильне древних актов. Комиссия опубликовала в период с 1865 по 1915 года тридцать девять томов материалов. Акты, которые написаны по-польски, решено было печатать в подлиннике и снабдить переводом на русский язык; для издания выбирались: 1) Акты, выясняющие элемент православия в Западном крае, 2) Акты, касающиеся администрации Западного края в разных эпохах существования великого княжества (быт крестьян, мещан, евреев и др. сословий), 3) Акты юридические и этнографические.

ISBN 978-5-458-04453-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

подтвердительную грамоту другому Виленскому цеху сапожниковъ, этотъ же король о цѣли его учрежденія повторяетъ ту же самую мысль, а именно, что чрезъ цеховыя братства онъ имѣетъ въ виду *умножить въ городахъ и мѣстечкахъ для своихъ подданныхъ порядокъ и благосостояніе* (208). Въ позднѣйшее же время, когда Виленскій магистратъ, послѣ Московскаго погрома въ 1655 году, возстановлялъ разстроенныя цеховыя общества и возобновлялъ погибшіе ихъ уставы, конечно, подъ сильнымъ вліяніемъ римско-католическаго духовенства, особенно ярко выступаетъ религіозная цѣль ихъ учрежденія, т. е. *умноженіе хвалы Божіей по римско-католическому обряду*

Какія же именно, на основаніи напечатанныхъ нами документовъ, намъ извѣстны въ Вильнѣ цеховыя братства?.. Въ концѣ XVIII столѣтія мы встрѣчаемъ здѣсь слѣдующія 25 учрежденій этого рода, а именно цехи: *скорняжескій* (3, 79), *оружейниковъ* (16), *шапочниковъ и вальщиковъ* (24), *мѣховщиковъ* (30), *игольщиковъ и жестянниковъ* (32), *стекольщиковъ* (96), *бондарскій или бочарный* (48), *рыбачій* (54), *золотыхъ дѣлъ мастеровъ* (60, 95), *переплетчиковъ и чашольщиковъ* (66, 83), *сабьянниковъ и замшанниковъ* (73, 430), *шапочниковъ, чулочниковъ, суконниковъ и войлочниковъ* (87), *каменьщиковъ* (97, 191), *сапожниковъ* (106, 207), *кожевниковъ* (116, 171), *портныхъ* (123), *котельщиковъ* (126), *столяровъ, ложевниковъ и рѣшниковъ* (131, 149, 213), *каретниковъ, игольщиковъ и горшечниковъ* (140, 531), *кузнецкій, слесарный и оружейный* (180, 304), *каменьщиковъ и плотниковъ* (191, 213), *медико-хирурговъ, цирюльниковъ и лазенниковъ* (банщиковъ—222), *крупенниковъ* (226), *пекарей* (486), *сѣдельниковъ, шорниковъ и позументщиковъ* (571).

Но прежде, чѣмъ мы будемъ говорить о томъ, въ чемъ именно выразилось устройство настоящихъ цеховыхъ обществъ и какой порядокъ былъ положенъ въ ихъ основаніе, мы считаемъ необходимымъ остановиться здѣсь на одномъ весьма важномъ фактѣ, а именно на фактѣ существованія въ Вильнѣ гораздо ранѣе появленія этихъ обществъ, устроенныхъ по чужеземному образцу, особой *ремесленной общины*, подъ названіемъ русскаго *скорняжскаго братства*. Начало ея возникновенія восходитъ къ 1458 году (5); слѣдовательно она существовала почти за сто лѣтъ до выдачи королемъ Сигизмундомъ Августомъ въ 1552 году привилегіи Виленскому магистрату на основаніе въ Вильнѣ *цеховыхъ обществъ или братствъ*, которыя онъ и заводилъ, въ главнѣйшихъ чертахъ, по чужеземному обычаю. Русскіе ученые смотрятъ на это ремесленное братство вообще, какъ на *церковное*; мы же, на основаніи документовъ, напечатанныхъ въ трудахъ Виленской Комиссіи для разбора древнихъ актовъ, а именно въ томахъ VIII (стр. 242—245), IX (156—157, 169—172)

и настоящемъ X (3—9, 12—15, 79—83), и другихъ археографическихъ изданійхъ держимся по этому предмету противоположнаго мнѣнія (*). Вотъ наши основанія.

Въ правилахъ разсматриваемаго братства, въ первый разъ формально признанныхъ и утвержденныхъ привилегією короля Сигизмунда перваго или стараго, данною ему въ 1538 году, прямо и положительно ничего не говорится о цѣли его учрежденія и утвержденія; о цѣли этой мы можемъ составить точное понятіе только путемъ наведенія, т. е. во-первыхъ изъ тѣхъ поясненій, которыми послѣдующіе короли, Сигизмундъ Августъ, Стефанъ Баторій и Сигизмундъ III-й, въ подтвердительныхъ своихъ привилегіяхъ, оправдывали предъ государственными сборщиками питейныхъ пошлинъ увольненіе братства отъ этого сбора, требуемаго съ него за медосыченіе на три годовые праздника. Короли говорили, что братство уволено ими отъ этого сбора потому, что члены его вообще преслѣдуютъ благотворительныя цѣли, что во время годовичныхъ своихъ праздниковъ, на собраніяхъ своихъ, за медопитіемъ

*) Съ мнѣніемъ, выраженнымъ членомъ комиссіи Ив. Як. Спрогисомъ, что *скорняжеское братство* было по преимуществу *ремесленное*, нельзя согласиться по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) Братствъ, однородныхъ по своей цѣли съ братствомъ скорняжескимъ, было нѣсколько; таковы были между прочимъ братства: бурмистровско-радецкое или панское, русское, купеческое и кожемятское. Всѣ они преслѣдовали цѣли по преимуществу общественно-благотворительныя, или религіозно-нравственныя. (См. Т. X. 3—9, 12—15; Арх. сбор. Т. I, 158, Собраніе Др. Грам. Ч. II, № 1).

2) Эта именно цѣль, а не ремесленная, выражена и въ древнѣйшемъ уставѣ братства скорняжескаго.

Бесѣду братчики вели исключительно о дѣлахъ общихъ, т. е. о благолѣпіи домовъ божіихъ, о призрѣніи больныхъ и неимущихъ, о погребеніи умершихъ.

Источниками доходовъ были медосыченіе и безпошлинная продажа меду въ опредѣленные праздничные дни.

Члены были постоянные, вписные на извѣстный срокъ и приходячіе (гости); какъ дворяне, такъ и *ишіе обчіе чоловіки*, какъ духовные, такъ и свѣтскіе безъ различія вѣроисповѣданій.

Очевидно, что братство, состоявшее изъ такихъ разнообразныхъ единицъ общества, могло только вести и бесѣду общую объ извѣстныхъ общественныхъ вопросахъ, что ясно указано и въ братскомъ уставѣ, но не специальную о какомъ либо ремеслѣ.

То обстоятельство, что скорняки взяли на себя починъ въ учрежденіи этого братства, нисколько не отнимало у нихъ права оставаться скорняками и заниматься своимъ ремесломъ, какъ это и было въ дѣйствительности; но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы то благотворительное братство, которое было открыто между ними, по цѣлямъ и характеру своей дѣятельности было ремесленное. Напротивъ того, одновременное возникновеніе такихъ братствъ въ разныхъ частяхъ города Вильны и при извѣстныхъ церквахъ ясно указываетъ, что такія братства основывались по преимуществу прихожанами извѣстной церкви, считавшими себя извѣстной религіозно-нравственной единицей на основаніи общиннаго начала, присущаго всему русскому люду.

VII

они *радятъ* (ведутъ разсужденія) о *потребѣхъ церквей Божіихъ и шпиталейхъ*, что доходъ, получаемый ими отъ медопитія и продажи остатковъ отъ недопитого меду, они обращаютъ не на свои частныя нужды, а на дѣла богоугодныя и благотворительныя, что согласно древнему своему обыкновенію, они приняли на себя заботу *церкви Божіи и шпитали будовати и опатровати, также на выхованье и выживенье убогихъ людей и змерлыхъ до проваженья до гробовъ оборочати*, и что, наконецъ, воскъ отъ розсыченного ими меду они отдаютъ на свѣчи на свой алтарь въ церкви Св. Троицы (13, 15). Такимъ образомъ, отсюда становится яснымъ, что братство, съ одной стороны, преслѣдовало цѣли *религіозныя и благотворительныя*. Но цѣлей этихъ, по нашему убѣжденію, нельзя считать главными мотивами какъ возникновенія, такъ и утвержденія братства королевскою привилегіею. Цѣль благотворительности и религіозности одинаково была присуща не только всѣмъ древнимъ русскимъ братствамъ, но и всѣмъ позднѣйшимъ цеховымъ учрежденіямъ,

Но мы не можемъ считать этихъ братствъ и церковными въ томъ смыслѣ, въ какомъ вырабатались такія братства впоследствии не задолго до уніи. Мы придерживаемся такого мнѣнія на томъ основаніи, что въ *первоначальныя братства* допускались горожане безъ различія вѣроисповѣданій, въ то время, когда въ церковныя братства чуждый православію элементъ не могъ быть допущенъ.

Изученіе цеховыхъ уставовъ и позднѣйшихъ церковныхъ братствъ ясно указываетъ, что эти позднѣйшіе принимали въ себя весьма много руководящихъ правилъ изъ уставовъ этихъ древнѣйшихъ братствъ, въ жизненной практикѣ которыхъ заключались здоровыя семена религіозно нравственного прогресса.

3) Мы не можемъ считать скорняжескаго братства *ремесленнымъ* еще и по слѣдующему соображенію: въ 1670-хъ годахъ скорняки обратились къ магистрату съ просьбой выдать ему, по примѣру другихъ цеховъ, цеховой уставъ; но въ это-же время скорняки просятъ признать юридическое значеніе и древнѣйшаго ихъ медоварнаго братскаго устава; хотя магистратъ называетъ скорняковъ *contubernium pellionum*, но названіе это пріобрѣтало юридическое значеніе только послѣ выдачи магистратомъ цеховаго устава. Но здѣсь важно то обстоятельство, что скорняки, получивши цеховой уставъ, отстаивали въ тоже время и юридическое значеніе своего древнѣйшаго устава, на основаніи котораго они могли преслѣдовать цѣли вовсе не ремесленныя, а религіозно-нравственныя, по старинѣ.

4) Наконецъ въ пользу этого мнѣнія говоритъ и то, что въ цеховыхъ или ремесленныхъ братствахъ всегда читались уставъ и королевскія привилегіи, обсуждались ремесленныя дѣла, чего въ древнихъ братскихъ собраніяхъ не было; цеховые братчики, въ случаѣ несогласія съ рѣшеніемъ старшинъ должны были переносить свое дѣло въ магистратъ, тогда какъ рѣшенія братскія должны были исполняться безапелляціонно.

Членъ Коммиссіи С. Шолковичъ.

VIII

заимствованнымъ изъ Запада. Въ старину она ни для какихъ обществъ не была выдающимся изъ ряда или исключительнымъ явленіемъ. И на этомъ основаніи мы смотримъ на нее и по отношенію къ древнему русскому скорняжскому братству не болѣе, какъ на цѣль второстепенную, цѣль побочную и отдаленную, вызывавшую дѣятельность братства по преимуществу во время отправленія имъ трехъ годичныхъ торжественныхъ братскихъ праздниковъ и собраній. Главнѣйшею же и существенною цѣлью учрежденія и утвержденія разсматриваемаго нами братства, по нашему твердому убѣжденію, должно считать признаніе *существованія его въ качествѣ ремесленного оффиціального учрежденія*, или, какъ оно само себя именуетъ, *скорняжскаго братства*. Цѣль эта ясно и прямо не оговорена въ правилахъ, утвержденныхъ королемъ Сигизмундомъ I-мъ; но она сама собою становится ясною и неоспоримою изъ того: какъ смотрѣло на себя само братство и государственныя власти. Во-первыхъ мы видимъ, что правила этого братства представляются на утвержденіе — въ первый разъ королю Сигизмунду I-му, а затѣмъ послѣдовательно королямъ — Сигизмунду Августу, Генриху, Стефану Баторію, Сигизмунду III-му, Владиславу IV-му и Яну Казиміру, не кѣмъ либо другимъ (не лицами духовными и представителями дворянства, хотя въ дѣлѣ общей — религіозной и благотворительной его дѣятельности и они могли быть его членами), а самими *ремесленниками скорняками*; что они сами свое учрежденіе вездѣ трактуютъ не иначе, какъ *братствомъ скорняжскимъ*, нигдѣ не называя его иначе, *ни братствомъ церковнымъ, ни благотворительнымъ*, и въ этомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ *ремесленного учрежденія*, просятъ высшія власти государства утвердить и подтвердить его уставъ. Во-вторыхъ, что самое важное и замѣчательное, мы видимъ, что точно такой же взглядъ на разсматриваемое братство всегда имѣлъ и Виленскій магистратъ: онъ нигдѣ не называетъ его иначе, какъ *contubernium pellionum* (ремесленное общество скорняковъ), т. е. такимъ именемъ, которое, какъ специальный терминъ, прилагается имъ ко всѣмъ позднѣйшимъ цеховымъ, т. е. ремесленнымъ учрежденіямъ (3). Когда Виленскіе скорняки настоящаго братства въ 1669 г. обратились съ просьбой къ магистрату дать имъ новыя, дополнительныя и опредѣленныя правила для ихъ ремесленной дѣятельности, тогда послѣдній, указавъ на то, что ихъ *скорняжское братство* возникло въ весьма древнія времена, еще до политическаго сліянія Литвы съ Польшею, что оно было признано и подтверждено послѣдовательно всѣми польскими королями, начиная съ Сигизмунда I-го, и принимая въ соображеніе еще то обстоятельство, что разные непризнанные мастера и пришлые люди наносятъ ихъ скорняжскому ремеслу и торговлѣ цѣлаго города большой вредъ, далъ имъ, въ дополненіе къ ихъ древнимъ правиламъ, еще новыя. Спрашивается за симъ: если бы это братство, по сущности своей, не было

IX

ремесленнымъ учрежденіемъ, то могъ ли бы магистратъ (которому, безъ сомнѣнія, это дѣло было лучше всего извѣстно), называть его *contubernium pellionum*, т. е. *ремесленнымъ обществомъ скорняковъ*? Рѣшился ли бы онъ поставить это древнее русское скорняжское братство первымъ краеугольнымъ камнемъ того *скорняжскаго цеховаго учрежденія*, которому въ настоящее время онъ даетъ новый, дополнительный и опредѣленный уставъ? И можно ли допустить одну мысль, чтобы въ противномъ случаѣ, т. е., если бы разсматриваемое нами братство съ первоначалу не имѣло характера *официальнаго ремесленнаго учрежденія*, мѣсто его не было занято другимъ, *официально признаннымъ и утвержденнымъ цеховымъ обществомъ скорняковъ*, въ теченіи 117 лѣтъ, т. е. съ 1552 г., когда Виленскій магистратъ получилъ привилегію на введеніе въ Вильнѣ цеховаго устройства, до 1669 г., въ который магистратъ выдалъ древнему русскому скорняжскому братству новый подробный уставъ?

Что согласно съ магистратомъ смотрѣли на это дѣло и древніе польскіе короли, это логически вытекаетъ изъ того, что они, подобно самимъ ремесленникамъ скорнякамъ, нигдѣ не называютъ ихъ братства иначе, какъ только *кушнерскимъ* (скорняжскимъ); и нигдѣ не говорятъ объ немъ иначе, какъ только въ этомъ смыслѣ. Такъ, Сигизмундъ старый въ своей привилегіи 1538 г. говоритъ, что мѣщане, «на име Климъ а Якубъ, зъ иншихъ людей помощью, зволили и встановили собѣ *братство свое кушнерское* въ томъ мѣстѣ Виленскомъ мѣти и за свой властный накладъ меды куповати и сычивати на вровичные свята» (5), что онъ, король, призналъ и утвердилъ это братство: «нехай они того *братства кушнерскаго* свободне и добровольне уживають» (7). Сигизмундъ Августъ въ 1565 году говоритъ, что ему «били чоломъ мѣщане мѣста Виленскаго всего *братства кушнерскаго*» и положили передъ нимъ привилегію отца его, наданную «имъ на *братство кушнерское, на склады братскіе*», и что онъ подтверждаетъ имъ эту привилегію (7). Стефанъ Баторій въ своей подтвердительной привилегіи, данной этому братству въ 1582 г., буквально повторяетъ тоже самое, лишь съ тѣмъ дополненіемъ, что позволяетъ братству медосыченье уже *на шесть годовыхъ празниковъ съ трехдневнымъ медопитіемъ*, освобождаетъ это медосыченье *отъ казенныхъ нитейныхъ пошлинъ* (4, 8). Сигизмундъ третій въ 1590 г. выражается такъ: «били намъ чоломъ мѣщане мѣста нашего Виленскаго, люди закону греческаго, и покладали передъ нами привилей продка нашего, славное памети короля его милости Стефана, на *братство ихъ кушнерское зъ сыченьемъ вольнымъ медовъ и на певные артикулы, для порядку доброго въ томъ братствѣ ихъ постановленные*» (3—4); вмѣстѣ съ подтвержденіемъ

этого *братства кушнерскаго*, король освобождаетъ его отъ питейной пошлыны за тотъ медъ, который оно, за недопитіемъ въ теченіи трехдневнаго братскаго праздника, продавало за деньги (9). Но обстоятельнѣе всего, по нашему мнѣнію разъясняется дѣло въ послѣдней подтвердительной привилегіи короля Яна Казимира, данной имъ разсматриваемому нами русскому скорняжскому братству въ 1669 году. Въ этой привилегіи король, обращаясь къ первому началу его возникновенія, сопоставляетъ древнее *русское скорняжское братство*, какъ однородное учрежденіе съ этимъ позднѣйшимъ *скорняжскимъ цехомъ*; считаетъ его естественною, переходною ступенью къ этому возобновленному цеховому обществу; даетъ тому и другому вмѣстѣ, какъ одному цѣлому и нераздѣльному, настоящее свое королевское утвержденіе и подтвержденіе. Могъ ли бы, спрашиваемъ, все это сдѣлать король, не рискуя соединить въ своей грамотѣ въ одно вещи разнородныя, если бы Сигизмундомъ I-мъ въ 1538 году было утверждено не *ремесленное* скорняжское братство, а какое нибудь другое, *церковное или благотворительное*, не имѣющее ничего общаго съ скорняжскимъ *ремесломъ*?

Представляемъ еще одинъ доводъ въ пользу нашего мнѣнія. Въ 1582 году Виленскіе мѣщане предмѣстья Россы*), „учтивые люди ремесла шапочницкаго, што шапки аксамитныя робятъ, и тежъ сермяжники и ноговичники“, явились къ Виленскому магистрату и убѣдительно просили его, чтобы онъ „имъ тыхъ трехъ ремеслъ, для учтивости и порадку мѣстскаго, у въ одномъ мѣстцѣ и спольныхъ схацкахъ *братство и цехъ прикладомъ иныхъ цеховъ мѣстскихъ, привилѣгированныхъ, мѣти допустилъ и позволилъ*“, для чего они и „артыкулы, тому своему цеху потребныя, сами собѣ, за намовою всее братьи своее, спольне списавши“, представили на его утвержденіе. Магистратъ далъ свое согласіе какъ на открытіе этого новаго цеховаго братства, такъ равно утвердилъ для него и вышепомянутыя артыкулы или уставъ, который, заключая въ себѣ 31 пунктъ, въ существѣ своемъ отличается отъ всѣхъ позднѣйшихъ цеховыхъ уставовъ только тѣмъ, что братчики настоящаго цеха имѣли свой алтарь въ Росской Пречистенской церкви. Въ этомъ же году разсматриваемые шапочники, сермяжники и ноговичники представили свой уставъ на утвержденіе королю Стефану Баторію. Король въ концѣ своей подтвердительной грамоты, которую онъ далъ этому новому ремесленному учрежденію, замѣчаетъ слѣдующее: „ку тому тежъ просили насъ, господара, вышей описанныя поданные наши, мѣща-

*) Вилен. Археографич. Сборн. т. I, стр. 158—165.

не цеху того, сами и отъ всее иное братьи своее, абыхмо имъ *тую вольность*, которая въ постановенью (въ уставѣ) ихъ описана не была, *прикладомъ* (по примѣру) *иныхъ цеховъ, отъ насъ упривилѣванныхъ*, надали: ижъ бы имъ въ каждый рокъ чотыри разы праздники свои, то есть первый на день светого Юрья вешнего, другій на день светого Яна, третій на день нарощенья Пречистое светое, а четвертый на Громницы вольно мѣти и медъ розсытивши, водлугъ потребы братское, на каждое таковое свято по три дни тотъ медъ сытивши межи собою выпить, а воскъ зъ розсыченъя того меду *оборочати на свѣчи до церкви светое Пречистое на Росъ*, и абы есмы ихъ отъ плаченъя *капицны, чопового и отъ медницы* вызволили, а тотъ домъ братства ихъ отъ *стоянъя всякого гостя вольнымъ* учинили, *ижъ бы они тымъ снадней всякіе справы свои, братству ихъ належащѣе, безъ переказы справовати могли*“. За симъ король продолжаетъ: «въ чомъ мы, господарь, прозбу ихъ видечи быть слушную, позволили есмы и симъ листомъ нашимъ *вольность имъ даемъ*, ижъ они мають въ кождый годъ по чотыри разы на праздники вышейпомененные ку *потребъ братству медъ сытити* и на каждое таковое свято медъ розсытивши по три дни межи собою пити и воскъ зъ розсыченъя такового меду мають оборочать *на свѣчи до церкви светое Пречистое на Росъ* и тежъ *на похованье умерлыхъ*. Отъ которого розсыченъя меду на праздники менованные не мають они *капицны, чопового и отъ медницы* давати и платити вѣчными часы». Подобно сему король освобождаетъ «отъ станья всякихъ гостей» братскій домъ, „до которого се они (новые ремесленники) *въ потребяхъ братскихъ сходятъ и праздники мѣвають*“. Что же мы видимъ изъ настоящаго текста, который мы дословно выписали изъ вышепомянутой подтвердительной грамоты короля Стефана Баторія? То несомнѣнно, что ремесленники этого новаго цеховаго учрежденія, уже послѣ признанія ихъ братства и утвержденія его правилъ магистратомъ, просятъ короля предоставить имъ въ дополненіе, *по примѣру другихъ цеховъ, уже утвержденныхъ королевскими привилегіями, вольность на медосыченье и отправленіе четырехъ годовыхъ праздниковъ съ трехдневнымъ медопитіемъ, на освобожденіе этого медосыченія отъ казенной питейной пошлины, на изъятіе ихъ братскаго дома отъ постоя гостей*. Далѣе въ текстѣ объясняется, куда шли деньги отъ медопитія: *на свѣчи въ Роскую братскую церковь святой Пречистой, на погребеніе умершихъ*. Чѣмъ, спрашивается, это медосыченіе, по существу своему, отличается отъ того, о которомъ говорится въ уставѣ обсуждаемаго нами скорняжскаго братства? Кто скажетъ, что медосыченіе и добываемыя отъ него деньги на благотворительныя дѣла, были *цѣлью учрежденія братства шапочниковъ*? Точно также мы позволяемъ себѣ думать, что имѣемъ полное право вывести отсюда со-

вершенно правильное умозаключеніе, то есть, что медосыченье было такою же *вольностью, прибавочною доходною статьею*, и для древнѣйшаго русскаго скорняжскаго братства, утвержденнаго королевскою привилегіею въ 1538 году, потому что въ противномъ случаѣ братство шапочниковъ не могло бы просить ея себѣ „*прикладомъ* (по примѣру) *иныхъ цеховъ*“, въ то время уже существовавшихъ и утвержденныхъ королевскими привилегіями. Кто же были эти *иные цехи*? Не думаемъ, чтобы кто нибудь рѣшился изъ этого числа исключить первое, древнѣйшее, „*королями упривилегіеванное*“, въ Вильнѣ русское *скорняжское братство*, тѣмъ болѣе, что изъ древнихъ русскихъ ремесленныхъ братствъ *съ вольностью медосыченья* намъ пока извѣстны, кромѣ новообразованнаго русскаго братства или цеха шапочниковъ, только два—*скорняжское и кожемячское*.

Исходя только изъ этой точки воззрѣнія на рассматриваемое нами скорняжское братство, *именно какъ на братство ремесленное*, мы, само собой, усвоимъ себѣ ясное и отчетливое представленіе о многихъ подробностяхъ, заключающихся въ первоначальныхъ, древнихъ его правилахъ, которыя при другомъ толкованіи остаются если не совсѣмъ темными, то и далеко неясными и неразгаданными; только при такомъ взглядѣ на дѣло для насъ вполне становится понятнымъ и яснымъ, для чего братству необходимо было заботиться о пріобрѣтеніи своего собственнаго дома и ходатайствовать объ освобожденіи его отъ городскихъ повинностей; для чего ему нужны были особые, постоянные склады; для чего требовалось братствомъ строгое повиновеніе отъ его членовъ, и проч. и проч. Все это, выразимъ нашу мысль яснѣе, нужно было братству для того, чтобы оно могло дѣлать свои собранія не въ одни только три торжественные годовые праздника, но и во всякое другое время, столь часто, какъ того требовалъ ходъ и развитіе его скорняжскаго ремесла. А установивъ такой прочный и правильный взглядъ на назначеніе рассматриваемаго нами братства, мы должны будемъ согласиться, что правила его, хотя хранившіяся въ немъ уже въ письменномъ видѣ, но не заключавшія въ себѣ никакихъ подробностей относительно его ремесленнаго производства, тѣмъ самымъ давали дѣятельности его широкое и свободное направленіе; внѣ предѣловъ узкой позднѣйшей цеховой регламентаціи, братство всегда въ состояніи было дѣлать въ своемъ скорняжскомъ мастерствѣ своевременныя, цѣлесообразныя и быстрыя измѣненія. А въ этомъ видѣ оно является предъ нами не только *весьма древнимъ и самобытнымъ учрежденіемъ мѣстныхъ русскихъ ремесленныхъ людей, но и учрежденіемъ вполне свободнымъ, допускающимъ начало конкуренціи въ ремесленномъ производствѣ*, т. е. мы видимъ въ немъ зародышъ тѣхъ свободныхъ ремес-

ХІІІ

ленныхъ учрежденій, которымъ въ настоящее время суждено двигать экономическими судьбами міра. Только спустя слишкомъ двѣстѣ лѣтъ послѣ своего основанія, древнее русское, свободное скорняжское братство*) принуждено было просить у магистрата новыхъ, дополнительныхъ, ясно регламентированныхъ правилъ, для дальнѣйшей своей ремесленной дѣятельности, конечно по той причинѣ, что оно было стѣснено неблагопріятными обстоятельствами, не могло далѣе свободно и широко дѣйствовать въ ряду другихъ подобнаго же рода учрежденій, устроенныхъ на началахъ *принужденія и монополіи*.

Въ чемъ же выразились порядокъ и устройство позднѣйшихъ ремесленныхъ учреждений, называемыхъ *цехами*? Свѣдѣнія относительно этого предмета весьма подробно изложены въ цеховыхъ уставахъ, напечатанныхъ въ настоящемъ X томѣ трудовъ Коммисіи. Сущность ихъ заключается въ слѣдующемъ. Виленскій магистратъ, на основаніи привилегіи короля Сигизмунда Августа, данной ему въ 1552 году, будучи облеченъ неограниченнымъ полномочіемъ и властію допускать въ Вильнѣ образованіе цеховыхъ обществъ по своему усмотрѣнію, взялъ готовый образецъ съ Запада, къ которому уже безъ труда приспособлялъ всякое вновь возникающее въ Вильнѣ братство. Существенными чертами этого образца, примѣненнаго къ Виленскимъ ремесленнымъ учрежденіямъ, служило то, что каждое новое братство, прежде всего, строго обязывалось исполнять всѣ магистратскія распоряженія и приказанія, клонящіяся къ благу цѣлаго города; далѣе, оно обязано было обзавестись своею хоругвью или знаменемъ, съ которымъ ему слѣдовало выходить на городскіе смотры, религиозныя, торжественныя (при встрѣчахъ королей, епископа и воеводы) и погребальныя процессіи; затѣмъ ему вмѣнялось въ обязанность имѣть надлежащее вооруженіе, состоящее изъ ружей, панцирей и др. предметовъ, для защиты города во время непріятельскаго нашествія; оно должно было избрать свой алтарь въ какомъ нибудь мѣстѣ

*) Трактую о настоящемъ братствѣ, мы не привели всѣхъ подробностей, изложенныхъ въ его правилахъ, которыя были подтверждены привилегією Сигизмунда І-го, по той причинѣ, что онѣ предполагаются извѣстными читателямъ. Привилегія эта съ вышепомянутыми правилами впервые напечатана *въ русскомъ оригиналѣ* въ трудахъ Петербургской Археографической Коммисіи (см. Акты южной и западной Россіи, т. I, стр. 103). Во-вторыхъ она напечатана *въ древнемъ польскомъ переводѣ* Виленскою Археографическою Коммисією (см. т. VIII, стр. 238); и, наконецъ, въ третій разъ она напечатана *въ древнемъ русскомъ текстѣ* въ настоящемъ X томѣ актовъ (см. стр. 5) по той причинѣ, что она сопоставлена здѣсь съ другими оригинальными русскими подтвердительными привилегіями и заключаетъ въ себѣ нѣкоторые варианты, даже дополненія противъ текста, напечатаннаго въ трудахъ Петербургской Археографической Коммисіи.

номъ костелѣ *) для исполненія религіозныхъ обязанностей его членовъ; для своего же внутренняго устройства, оно тотчасъ, по дарованіи ему устава, должно было позаботиться объ отысканіи или приобрѣтеніи покупкою въ свою собственность *особаго дома* непременно въ стѣнахъ города и подъ магистратскою юрисдикціею, въ которомъ должны были производиться всѣ цеховыя собранія и засѣданія; дома эти не рѣдко освобождались отъ всѣхъ городскихъ повинностей; затѣмъ слѣдовало приобрѣтеніе *особаго братскаго сундука*, называемаго въ уставахъ *скринкою*, для храненія въ немъ братскаго устава, королевскихъ привилегій, цеховыхъ постановленій, вписныхъ реестровъ и др. документовъ, и цеховой казны, которая имѣла составлятьсѣ изъ обязательныхъ братскихъ срочныхъ взносовъ, а, главнымъ образомъ, изъ цеховыхъ штрафныхъ денегъ. Наличный цеховой составъ обнималъ, начиная снизу: *учениковъ*, называемыхъ *хлопцами*, *товарищей*, *младшихъ или молодяниковъ*, *мастеровъ*, *старшинъ*, *расходчиковъ* (шафаровъ) и *писаря*.

Изложимъ здѣсь болѣе подробныя свѣдѣнія обо всѣхъ этихъ личностяхъ.

Ученики-хлопцы. Въ наученіе тому или другому цеховому мастерству принимались ученики только *христіанскаго вѣроисповѣданія* (22). Относительно *національности* принимаемыхъ учениковъ нѣтъ прямыхъ указаній, хотя напр. цехъ *мѣховщиковъ* дозволяетъ принимать и *рижанъ* (31). Главнѣйшій же ихъ контингентъ составлялся изъ *мѣстныхъ мѣщанъ или мѣщанскихъ дѣтей другихъ городовъ и мѣстечекъ великаго княжества Литовскаго*, при чемъ при ихъ поступленіи въ цехъ непременно требовалось свидѣтельство *о вольномъ ихъ рожденіи*, т. е. о законномъ рожденіи и непринадлежности къ подданству или крѣпостному праву (46, 92, 101, 119, 138, 145); *крестьянскія дѣти* чьихъ бы то ни было крестьянъ—монастырскихъ или панскихъ, принимались въ ученіе лишь по представленіи ими *увольнительныхъ свидѣтельствъ* (46, 53, 92, 101, 138, 145). При приѣмѣ ученика не всегда дѣлалось различіе относительно его *вѣроисповѣданія*, по крайней мѣрѣ это можно усмотрѣть въ правилахъ кожевеннаго цеха (119). *Возрастъ* ученика при поступленіи въ науку, по видимому, не былъ опредѣленъ, такъ напр.

*) До введенія религіозной уніи, когда русская ремесленная жизнь преобладала въ Вильнѣ, алтари эти цеховыя братства имѣли по преимуществу въ русскихъ церквахъ. Такъ наприимѣръ *древнѣйшее* скорняжское братство имѣло свой алтарь въ церкви св.-Троицкаго монастыря; впрочемъ, въ видѣ единственнаго исключенія этотъ алтарь до позднѣйшаго времени не былъ вполне замѣненъ католическимъ. Другое древнее цеховое братство, подъ именемъ *Росскаго*, состоявшее изъ *шапочниковъ*, *сермяжниковъ* и *ноговичниковъ*, имѣло свой алтарь въ Росской церкви, подъ именемъ *святой Пречистой* (см. привилегію короля Стефана Баторія, которою онъ въ 1582 г. подтверждаетъ уставъ этого братства, писанный на русскомъ языкѣ. *Вилен. Археографич. Сборникъ*, т. I, стр. 158).